

бой житейской или коммерческой задачи жена и теща объединяются, прямо давая Энгстрому понять, что он экономически зависим от них, и вообще держат его под каблуком.

Множество хлопот причиняет Энгстрому сын. Мало того, что он бросил занятия, обрюхатил какую-то девицу и сбежал из университета с другой, Кролику придется еще тратиться на брачную церемонию и угощение гостям, и вдобавок ко всему в доме появился чужой человек, тоже в тягость. Парню двадцать три, а он даже не знает, чего хочет в жизни, полон каких-то бредовых идей, и это злит Кролика. «Которым нет тридцати просто не желают работать. Удобства им подавай и дополнительную оплату. Новые правила все, мягкотелость, социализм». Впрочем, непутевый и незадачливый Нельсон не принадлежит к искателям и бунтарям, и, скорее всего, пойдет по отцовским стопам.

«Горючее кончается, — думает Кролик Энгстром, стоя в демонстрационном зале фирмы «Автомобили Спрингера» и глядя в окно с запыленными по-летнему стеклами на поредевшую и вроде бы робкую вереницу машин, катящих по дороге № 111, — у сволочного мира кончается горючее... Люди как с ума посходили, чувят, что оставливается великое американское движение...» Так начинается Апдайк роман. Нехватка, иссякание «горючего», энергии, жизненности — это развернутая метафора самого Кролика и Америки конца 70-х годов, и «от нового десятилетия уже тянет затхлостью».

За исключением «Осеннего света» Гарднера — произведения, созданного писателем, который ставил совсем иные эτικο-художественные цели, — пожалуй, трудно назвать другую книгу американского прозаика, которая, пусть не очень масштабно, но так предметно и красочно изображала бы современное американское общество, как новая книга Апдайка. Речь, повторяю, идет не о внешних приметах — роман буквально дышит воздухом времени. Инфляция, риторика Картера, арабская нефть, очереди на бензоколонках, объявление бойкота Московской Олимпиаде, конформизм, лихорадка накопительства, снобистское «ячество», утечка из реактора на Три-майлз Айленд, заложники в Иране...

В итоге частная история недалекого, трусоватого и самодовольного Кролика Энгстрорма, несколько не теряя в художественности, приобретает качество историко-социологического документа, свидетельствующего об идейном, духовном и моральном оскудении некогда мощного мещанского слоя населения США.

Г. ЗЛОБИН

У ДОСКИ БЕЗ МЕЛА

Marthe B. Hogue. C'était dimanche. Roman social québécois. Québec, Éditions Naaman, 1979.

Марта Б.-Ог. Это было в воскресенье. Социальный квебекский роман. 1979.

Если пересказать содержание романа канадской писательницы Марты Б.-Ог «Это было в воск-

ресенье», то у читателя может сложиться об этом произведении ложное впечатление. Произойдет это потому, что сюжет книги, который несомненно завладеет вниманием при таком пересказе, будет воспринят как повествовательная канва, в то время как в действительности он играет роль своеобразного обрамления, — в данном случае «траурной рамки», необходимой для того, чтобы мы отчетливо представили себе, какие общественные проблемы волнуют автора.

Судьба героя, начиная от обстоятельств его рождения и кончая его трагическим финалом, являет собой своего рода «исключение», но эта исключительность проливает свет на некоторые укоренившиеся праявила.

До последнего дня своей жизни Марк Рэйнбоу, ученик выпускного класса одной из квебекских школ, полагал, что он сын весьма состоятельного бизнесмена. Юноше известно также, что его рано скончавшаяся мать оставила ему большое наследство, в обладание которым он должен вступить со временем.

У Марка блестящие способности. Он — любимец всех учителей своего лица. С отцом, у которого вечные дела и разъезды, юноша видится редко. Отсутствие Рэйнбоу-старшего щедро компенсируется «материальным комфортом», которым тот окружает сына.

Все это благополучие в один прекрасный день рушится, как картонный домик. Марк узнает от опекающей его женщины, «тети Клары», что в действительности он ее сын, а его отец Рэйнбоу — гангстер и аферист, женившийся на богатой наследнице, вскоре скончавшейся и не имевшей детей. По брачному контракту ее наследство могли получить только дети, а не муж. Рэйнбоу по подложным документам выдает Марка за своего сына, наследника; он действительно его сын, но от Клары, которую он соблазнил, когда ей было пятнадцать лет и она работала судомойкой в одном из ресторанов.

Мать рассказывает все это Марку для того, чтобы подготовить его к возможным ударам судьбы. У нее есть сильные опасения, что родители скончавшейся жены Рэйнбоу знают о совершенном подлоге и Марк не получит никакого наследства.

«Ты — молод, одарен, — говорит мать сыну, — ты можешь сам построить свое будущее».

— Это какой-то дикий бред! Мне снится кошмарный сон! — восклицает Марк.

..В комнате, где лицеист кончает с собой, находят скомканное и разорванное его свидетельство о рождении.

Значительную часть книги — если не ее основное содержание — представляют собой раздумья преподавателей Марка, повергнутых в горестное недоумение, ибо им неизвестны причины духовного кризиса, жертвой которого оказывается юноша. Именно эта неизвестность «конкретного» заставляет их как бы встать у доски без мела в пустом классе и задуматься над общими вопросами.

«Марк не сумел пустить прочных корней, — говорит один из них, — потому что

никто не позаботился о том, чтобы привить ему понятия о ценности жизни».

«Кажется, что Марк хотел избавиться себя от какой-то невыносимой ноши. Его самоубийство — это бегство или обвинение?» — спрашивает себя другой.

Преподаватель математики пытается осмыслить общие отношения педагогов и учащихся. «Для молодежи, — отмечает он, — прошлое — это миф, будущее — ложь или угроза, у нее остается только настоящее. Что же странного, если молодые люди стремятся или взять все от сегодняшнего дня, или исчезнуть при столкновении с малейшей трудностью».

Ближе всего к трагической сущности происшедшего подходит, однако, тот преподаватель, который говорит: «Из века в век человеческое поведение было подчинено логике долгой цепи преемственностей, созданных сменяющимися друг друга поколениями... Ничто не рождается само собой, наши успехи или наши поражения — это в значительной мере дело наших предшественников и влияний, которые мы испытали. Главным принципом тех, кто воспитывал нас, формировал нас для будущего, было: «Во всех случаях умеете отличать добро от зла»... Не отбрасывает ли наших учащихся в каменный век отторжение от этого немодного ныне принципа?»

Отличать добро от зла — так ли это просто в том полном явном и скрытых противоречий мире, где Марк прожил свои двадцать лет? Что в действительности повергло его в отчаяние? То, что он не получит наследства? Нет, юноша, считавший себя сыном «делового человека», потрясен тем, что его отец гангстер и аферист.

«...Я подняла глаза и ужаснулась, — вспоминает мать свой последний разговор с Марком, — кровь отлила от его лица, он был неподвижен, он тяжело дышал... Внезапный крах всего, во что он верил, крушение воздушного замка, в котором он жил, мгновенное превращение идеализируемого отца в международного гангстера нанесло ему смертельный удар».

Справедливы ли эти материнские мысли? Может быть, да. Но в таком случае следует признать, что Марк был выращен в очень «тепличных условиях», за стенами, куда не долетало никакое дыхание века. Сын «международного гангстера»? На табло «добра и зла», каким являются средства массовой информации в буржуазном мире, слово «гангстер» соотносится скорее с «добром», нежели со «злом». Не имея никаких других возможностей романтизировать принцип «частного предпринимательства», газетная хроника и киноэкраны исподволь постоянно превозносят «гангстера» как некую сильную личность, бросающую вызов обществу. За примерами не приходится ходить далеко. Не преподав

ли парижский еженедельник «Пари-матч» в качестве новогоднего подарка в 1982 году «сердечную беседу» на восьми страницах двух наиболее прославленных грабителей — Биггса (Англия, почтовый поезд в Глазго) и Спаджнари (Франция, налет на банк в Ницце). «Биггс и Спаджнари, — возвещает один из заголовков, — это Бонапарт и Нельсон лицом к лицу». На страницах журнала разыгрывался своего рода матч. «Я, — говорил Бонапарт-Спаджнари, — похитил шесть миллиардов. А ты всего четыре. Номер один — это я. — Ты забываешь об инфляции, — отвечивал Нельсон-Биггс, — 4 миллиарда в 69-м году стоят 6 миллиардов в 76-м...» Инфляция неотделима от девальвации, от обесценивания и франка, и фунта стерлингов, и — вернемся к роману — принципов определенной морали, на которых можно строить воспитание.

Приведенные выше слова одного из педагогов, что воспитываемая ими молодежь считает прошлое ложью, будущее мифом и стремится побольше взять от настоящего, как раз и свидетельствуют о такой девальвации. Несомненно только, что такая мораль не создается самой молодежью, а скорее «оседает» в ней, проникая из окружающего мира, где — в кризисном состоянии — все ценности смещены.

Марта Б.-Ог назвала свой роман социальным, он заслуживает такого определения в той мере, в которой на его страницах подняты некоторые острые вопросы, волнующие на Западе преподавателей, воспитателей подрастающего поколения. У самой писательницы — педагога в прошлом — в этой области большой опыт. Это придает ее роману определенную достоверность. Но вместе с тем затронутые в романе проблемы не таковы, чтобы их можно было со всей отчетливостью вынести на обсуждение, оставаясь только в пределах педагогических раздумий.

Писательница говорит, что своеобразным девизом и кредо ей служат слова Тагора: «Мне хотелось бы, чтобы моя жизнь была прямой и ясной, подобно тростниковой флейте, которую можно наполнить музыкой». Жизнь писателя — это прежде всего его книги. Роман «Это было в воскресенье» не лишен прямоты и ясности. Музыка, которой он наполнен, — это как бы перекликающиеся между собой сигналы тревоги.

«Мы отказываемся глубоко изучать и анализировать окружающий нас меняющийся мир из страха, что нам придется измениться самим», — говорит один из героев романа. Тревожная книга канадской писательницы Марты Б.-Ог утверждает необходимость таких перемен. И в Канаде, и в других странах капиталистического мира.

Н. РАЗГОВОРОВ